

Н. И. Романова

*кандидат культурологии, доцент кафедры философии, права
и социально-политических дисциплин*

Кемеровский государственный университет культуры и искусств

ВОСПИТАНИЕ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СЕМЬЯХ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Целесообразность обращения к проблематике семьи, брака и семейного воспитания в старообрядческой культуре обусловлена проблемами современной цивилизации. Идущая быстрыми темпами унификация постиндустриального общества в рамках глобализационной парадигмы необратима. И на фоне упрощения взаимодействия между людьми, этносами, государствами ярко высвечивается проблема утраты культурной самобытности и уникальности. Еще одной проблемой, подчеркивающей необходимость изучения традиционных культурных основ семьи, является ухудшающаяся демографическая ситуация в России, тесно связанная с кризисом семейных ценностей. Обращение к традиционным нормам семейной жизни русского народа видится весьма актуальным в условиях нашего быстроменяющегося мира, где зачастую идет неприкрытая подмена истинных ценностей. Культура всегда выполняла функцию адаптации человека в окружающем мире. И семья, прежде всего, была именно тем институтом, в рамках которого ребенок приобщался к своей культуре.

На фоне быстропротекающих социокультурных процессов в России само существование старообрядческой семьи доказывает высокую адаптивность и состоятельность традиционных основ семьи, выступающих, быть может, как единственно возможный выход для сохранения культуры. Данная реальность является серьезным аргументом против распространяющегося в повседневном сознании людей разрушительного для социума мифа о том, что теперь ячейкой общества становится личность. В связи с этим выявление адаптивных функций и возможностей старообрядческой семьи призвано помочь обратить внимание общества на накопленный предыдущими поколениями культурный потенциал.

Специальному изучению старообрядческой семьи посвящено совсем не много работ. Как правило, в рамках изучения общей истории раскола исследователи лишь вскользь касались некоторых сторон жизни старообрядческих семей. В прошлом известные историки раскола митрополит Макарий [16], А. П. Щапов [44], И. Ф. Нильский [28] касались юридических сторон брака старообрядцев, внутриконтрессиональных споров о браке у самих староверов. Вопросов семьи и брака у сибирских староверов частично касались представители официальной церкви, известные своим критическим и предвзятым отношением к старообрядчеству. Среди них В. Юновидов [45], протоиерей Д. Н. Беликов [1], некий И.И.С. [8]. Среди современных (советских и постсоветских) историков интерес к вопросам брачно-семейных отношений в той или иной мере отмечался у П. Г. Рындзюнского [37], О. Н. Садовой [39], А. И. Мальцева [17], Т. С. Мамсик [18, 19] и др.

Особо следует отметить этнографические труды, в которых отражены непосредственные наблюдения за жизнью старообрядцев в местах их локального и компактного проживания. Несомненный вклад внесли такие исследователи и писатели прошлого, как П.И. Мельников-Печерский [21], Г. Д. Гребенщиков [4, 5], А. И. Новоселов [29], М. Швецова [42], Е. Шмурло [43], Н. М. Ядринцев [46] и др. Замечательные этнографические исследования проводились затем советскими учеными-этнографами Е. А. Бломквист и Н. П. Гринковой [20], Е. Ф. Фурсовой [41], Ф. Ф. Болоневым [2], А. А. Лебедевой [10], Л. М. Сабуровой [38], М. М. Громько [6, 7], Н. А. Миненко [23-27], В. А. Липинской [11-15] и др. В трудах этих исследователей содержатся описания внутрисемейных отношений, способов организации хозяйственной деятельности, обрядности, народной медицины и др. В культурологическом и этнографическом русле ведутся на протяжении многих лет теоретические и прикладные (полевые) авторские исследования, посвященные изучению вопросов семьи и семейного воспитания у алтайских староверов [30–36 и др.]. Сравнительно недавно появилось серьезное научное исследование старообрядческой семьи как культурно-исторического феномена А. П. Веселовой [3].

В целом, следует отметить отсутствие специальных монографических исследований, и лишь небольшое количество комплексных работ, посвященных старообрядческой семье. Таким образом, недостаточность изучения феномена старообрядческой семьи и вопросов воспитания в ней, а также сама актуальность темы подчеркивают необходимость серьезного научного к ней подхода. В частности требуется изучение не только историко-культурных основ традиционной православной старообрядческой семьи, но и ее положения в современном обществе, механизмов ее сохранения и выживания в современных условиях. Именно подобную цель можно поставить в данной работе. В ней принципиально опускаются контрессиональные особенности семейно-брачных представлений как в поповских, так и в беспоповских старообрядческих толках и согласиях. Эта тема является предметом особого рассмотрения и узкоспециального

исследования; в самих же традиционных основах отношения к семье, воспитанию, пожалуй, невозможно выделить принципиальные отличия, что в свою очередь связано с тем, что опирались они на многовековую христианскую православную традицию. В большей степени наблюдаются различия, связанные в основном с заключением брака (например, отсутствие священника в беспоповстве накладывает отпечаток в вопросах таинства венчания, также существенно проповедь безбрачия и др.).

Каковы же устои, культурно-исторические особенности традиционной старообрядческой семьи, а также семейно-брачные представления староверов? Источником семейно-брачных норм традиционно являлась Кормчая, в которой определялись виды родства, крайние границы для запрещения браков, указания священнику по вопросам обряда венчания. А главное, что в ней утверждалось догматическое понимание брака – обязательность благословения священника. Еще одним важным источником по устройству семейных отношений и быта является памятник русской литературы и быта XVI в. «Домострой», составленный из «слов» и поучений («Измарагд», «Златоуст», «Златая цепь» и др.).

Семья по праву может считаться оплотом старообрядчества. Обучение и воспитание приверженца старой веры проходили, прежде всего, в семье, под руководством старших родственников. Главная задача, стоявшая перед семьей заключалась в том, чтобы дать детям основы христианского вероучения. По сути, старообрядческая семья являлась общиной и объединяла кровных родственников, тружеников и единоверцев одновременно и насчитывала от 20 до 40 и даже более человек (встречались семьи в 100 человек и больше). Формированию больших семей способствовало отсутствие семейных разделов, большие неосвоенные пространства, запрет аборт. Браки среди родственников запрещались до восьмого колена, а прирост семей был очень высоким, так как женщины рожали от 7 до 20 детей.

Чтобы управлять такой большой общиной, необходима была определенная организация. Эту функцию выполнял мужчина – отец семейства, чей авторитет был самым высоким и непререкаемым, ему подчинялись все члены семьи беспрекословно. Старшим же в семье был тот, за кем чувствовалась сила и способность управлять и трезво взвешивать поступки каждого. Чаще всего им был дед. При наступлении глубокой старости такой дед или прадед собирал семейный совет и торжественно передавал свою власть сыну или жене, если она была им признана достойной для распорядка.

Уважение к старшим было одним из заветов. Унизительны были не поклоны (старшим в ноги кланялись), а нарушение «почета перед старшими». Уважение к старине, к родне и к чужим было одним из главных требований к детям в семье. Родню близкую и далекую знали до пятого колена. При детях о старших плохо не говорили. Обычно дети в таких случаях слышали – «Бог им судья» или «Он их накажет», «Не будьте и вы такими и все будет хорошо». Детей обязательно учили приветствовать

старших, здороваться с ними при встрече, а за подарки в ноги кланяться. Уважение к старшим не было вынужденной обязанностью, так как старшее поколение не роняло своего престижа, но всячески поддерживало его поступками, достойными примера. Прожить до старости без нарушения семейной и общественной этики – вот что было идеалом для всякого идущего в жизнь человека. Положение женщины также было на высоте. Женщина была не рабыней, а полноправным человеком. Ее уважали и прислушивались к ее мнению. В беспоповских толках и согласиях женщины нередко пользовались значительной долей самостоятельности. В них женщины весьма часто являлись наставницами, начетчицами, нередко им принадлежала руководящая роль в общине.

Крепость семей староверов поражала всех исследователей, в ней практически были исключены разводы. Причиной этого, прежде всего, являлись строгие религиозные нормы, регламентирующие всю жизнь семьи. Высоко стояли супружеская верность и целомудрие юношества. «Этих людей нелегко было превратить в безропотных и безличных рабов. Это были люди с большой человеческою душою и мягким, отзывчивым к ближнему сердцем. Всякого незнакомого странника сами позовут, накормят, обогреют и вымоют в бане. Выругаться нехорошим словом, поесть молока в пятницу, послушаться старшего было редким и большим грехом, и оттого дети до 20 лет были целомудренны, а семейные отношения освящались согласием, взаимным уважением и мирным трудолюбием» [5, с. 25]. В семьях чаще царили взаимная преданность, доверие и уважение (например, обращение друг к другу по имени отчеству). Речь в семье была сдержанной, без грубых слов и ругательств, наполнялась ласкательными оборотами, ссор почти не было.

Нравственное и физическое здоровье обеспечивалось строгим отношением к соблюдению здорового образа жизни, чему способствовали отказ от алкоголя, курения табака, отсутствие распутства, здоровая пища, размеренный труд, а также лечение природными средствами.

Всякое отступление от установленных старообрядческим обществом правил и норм поведения осуждалось и преследовалось самым энергичным образом, и не только церковным проклятием или отлучением от согласия, но и мерами всеобщего осуждения ослушника или оступившегося.

Что же выступало в роли, главных помощников в воспитании детей старообрядцев? Прежде всего, труд, религия и фольклор. Именно эти компоненты воспитания являлись основными в процессе социализации ребенка.

Весь трудовой опыт впитывался человеком с детства и приобщался ему во всей его нелегкой жизни. Крупное крестьянское хозяйство основывалось на семейной кооперации. Трудовое воспитание подрастающего поколения происходило в процессе реальной производственной ежедневной деятельности с помощью наставлений старших, а также учебных примеров. Трудовая деятельность человека начиналась очень рано, потому что тяжелый труд крестьянина требовал, чтобы к нему привыкали фактически с самого

начала сознательной жизни, он должен был войти в плоть и кровь человека, иначе казался невыносимым [26, с. 121].

В семьях происходило возрастное распределение обязанностей. Перед выездом в поле держали совет что пахать, где и кому; сколько отвести десятин под ячмень, рожь, овес, лен, коноплю. Выходило, что нужно было обработать не один гектар. За плугом, как правило, шли старшие сыновья, а 10–12-летние сыновья и дочери в это время погоняли лошадей. Респондент Н. М. Ермолаева рассказывала: «Караулили гусенят, цыпущек, утят, пасли кур. Кто пол моет, кто на огороде работает, прополкой занимается, кто – за водой, кто – в подпол за нужным лез. С 4-х лет пол подметай, соску дай, зыбку качай, песни пой, пои молоком. По дому малыши пол мели, посуду мыли». Совсем маленькие, 4–7-летние, приобщались к труду через старших – родителей и стариков. Они уже ухаживали за ребенком: должны были уметь покачать зыбку, поить из соски с молоком (обычно, это коровий рог, на который натягивали сосок от вымени коровы), да еще и песни петь. Нужно заметить, что обязанности распределяли по наклонностям, способностям и характеру. Один лошадей любил, другой – столярничать, третий – плотничать, четвертый – рыбачить и т.д. И родители должны были с этим считаться.

Большую роль в воспитании детей играли бабушка и дедушка. Так, на дворе, уже постаревший, дед с младшими внуками столярничают. Он еще крепок и вполне может еще работать в поле. Но у него и на дому работы невпроворот – надо и сбрую починить, и бадейки сделать, да и за домом догляд нужен был, чтобы каждый своим делом занимался. Дед учил своих внуков – где молоток, где гвозди, а если что-то мастерил, объяснял всю последовательность работы. Знакомство с животными, птицами, насекомыми происходило здесь же через деда и бабушку. Идя вместе с внучатами кормить цыплят или скот, загонять ли в стойло лошадей или взнуздать их, старики учили детей, показывали первые навыки и рассказывали о животных и птицах. Дети со взрослыми ходили собирать в лес ревеня, колбу, лук, чеснок, ягоды, грибы. Осенью старших детей брали с собой орешничать.

Родители и деды учили детей приметам погоды, игравшие положительную роль в воспитании детей: ребенок развивал наблюдательность, присматриваясь к природе и погоде, сопоставляя со сказанным старшими. Через наблюдение появлялась любовь к природе, а главное шло ее познание. Ребенок знакомился с растительным и животным миром, наблюдая за поведением домашних животных, лесных птиц, насекомых, ростом растений. Живя в окружении красивых гор, журчащих рек, цветущих полей, ребенок воспитывался красотой природы, появлялся эстетический вкус, эстетические переживания.

Всем в доме управляла мать, которая, готовя обед, не отходила от печи и хватом ставила и убирала из нее ведерные чугуны с едой для большой семьи. Здесь же, у стола, ей помогали и старшие дочери, они стряпали, сепарировали молоко, готовили корм для птиц и скотины. Как правило, хозяйка – женщина властная и сильная, дом она содержала в полном порядке.

Если в доме уже жили снохи, то обычно женщины «понедельничали», то есть в течение недели выполнялась одной женщиной одна работа, другой – другая, третьей – третья, на следующей неделе функции менялись и т.д. Вечером та, которая постоянно у печи всю неделю, спрашивала у свекрови, что готовить на следующий день.

Рабочий день начинался рано. В 3–4 часа вставала женщина, печь затапливала. Затем молилась. Часов в 5 – мужчины вставали, у них работы много – скотине сено давать, успеть подготовиться к дневным работам. Завтрак надо было заработать, зимой завтракали часов в 11, летом раньше. Обед носили на покос, в поле, в час–два обедали, ужинали в 18–19 часов. Когда заканчивались работы, все садились с молитвой за стол (любое принятие пищи начиналось с молитвы). Здесь необходимо сказать о том важном значении, которое придавалось столу у староверов: «Стол – это Божий Престол». В доме старообрядца на столе всегда, в любое время, должен был лежать хлеб и соль, – христианская символика связывает хлеб с Христом, поэтому хлеб, постоянно находясь на столе, превращал его тем самым в престол. Уподобление стола церковному престолу вписывалось в более широкий круг религиозно-бытовой символики: дом условно уподоблялся храму, красный угол – алтарю, глава семьи – священнослужителю, акт принятия пищи – жертвоприношению [40, с. 228]. Потому неслучайно столь строгое отношение к столу у староверов, выражавшееся в том, что на него нельзя было класть локти, нельзя было бить яйца об него, нельзя было опаздывать к столу, к трапезе. Малыши – «детва», ели после старших или отдельно за маленьким столом. Ели все из одной большой чашки, что особенно подчеркивало общность всех членов семьи, внушало чувство единства, родства, закладывало основы общности. Строгим было принятие пищи – баловство не разрешалось и строго пресекалось, кто опоздал – к еде не допускались.

Росли дети умелыми, сильными, крепкими и закаленными. Закалка была естественной, с самого рождения. Достаточно вспомнить, что у старообрядцев детей крестили зимой в ледяной воде из проруби, а весной и осенью (а так же летом) прямо в реке; кроме того, обычай русской бани выбегать, напарившись, и окунаться в проруби зимой, тоже способствовал укреплению здоровья. Практически все детство ребятишки бегали босиком («от снега до снега»). Было, и даже часто, что дети умирали. Но рожали помногу (аборты – страшный грех), и смерть ребенка воспринималась естественно: «Бог дал – Бог взял».

Солнце, травы, мед, вода и целебный воздух были лучшими целителями. На простуды внимания не обращали, болячек на теле даже не замечали, грипп не свирепствовал, так как против простудных заболеваний у человека вырабатывался сильный иммунитет, который ему давала природа. И что еще очень важно отметить, большое значение для старовера имел строжайший запрет применения табака, алкоголя и чая.

Итак, сочетание напряженного физического труда со здоровым образом жизни и красотой окружающей природы оказывали сильнейшее влияние на личность, формировали ее.

Лень и праздность считались главными пороками, осуждаемыми в религиозных заповедях, в которых провозглашается труд человека, направленный на благо, а, следовательно, и во имя Бога. Поэтому любой труд, любая деятельность, освященные свыше, и рассматриваются в нравственном плане. Благодаря труду, старшие воспитывали младших, и это главный их помощник. Необходимо отметить, что в воспитании духовность и труд очень тесно переплетались и составляли единое целое. Так, с верой в Бога, с молитвой трудились старообрядцы и детей растили в том же духе.

Религия – это духовная культура старообрядцев, вводящая строгий регламент во все сферы их жизни. Как же непосредственно религия влияла на семью? День в старообрядческой семье начинался с молитвы, любая работа начиналась с нее, принятие пищи, буквально все. С самого рождения ребенок уже вовлекался в религиозную атмосферу, все это воспринималось естественно. То, что заповедали отцы, неприкасаемо, и негоже было подвергать кому-нибудь что-либо сомнению. Респонденты рассказывали о своем детстве: «Молитвам ущили ядва рябенюк нащиал лепятать» (Н. М. Ермолаева); «Ущили не плясать да играть, а молитвам!» (С. И. Филатова); «Старую веру строго держали, мама верила очень. С детства «Молися!» – долбили. «Начал» – первый учили, «Отче наш», «Богородице» (П. Д. Немцева).

Для старообрядческой культуры, существовавшей в категориях средневековой традиционной культуры, свойственно дуалистическое разделение мира: добро-зло, свое-чужое, сакральное-профаническое, полезное-вредное и др. Этот дуализм был даже гипертрофирован, возведен в абсолютную норму по причине постоянной угрозы: внутренней (необходимость хранить внутреннюю чистоту от обмирщения, существовавшие разногласия внутри самого староверия, которые порождали новые толки и согласия), так и внешней (преследования со стороны властей – светских и духовных, веяния культуры Запада). В связи с этим староверы вынуждены были изолироваться от второго, негативного начала и всячески препятствовали проникновению «чужого» в «свое» религиозное пространство. Для самосохранения от негативного второго в условиях мировоззренческой дуальности любая традиционная культура вводит систему запретов, но любой запрет должен иметь идеологическое основание. В качестве такового в старообрядческой системе запретов, наследованной от прошлого, выступал концепт «Страха Божия», который был актуализирован и даже абсолютизирован и играл очень серьезную роль в воспитании верующего. Почему именно «Страх божий»? Сам по себе страх ведет к покорности, к дисциплине. В условиях угрозы он был своеобразным механизмом, обеспечивающим единство и спасение общины, каждого ее члена. Страх Божий дисциплинировал и объединял людей вокруг традиции, направлял мысль в привычное русло консерватизма, к общезначимым

архаическим ценностям, а не новациям, служил средством для быстрой мобилизации человеческих возможностей. Кроме этого, имелись более глубокие причины культивирования Страха Божия в старообрядчестве, а именно идейные истоки, на которые оно опиралось. Поэтому понятие Страха Божия прививалось, прежде всего, в семье, причем в ее повседневной жизни.

В основе всех норм и требований лежало привитие верующему Страха Божия. В ходе непосредственных авторских наблюдений за жизнью старообрядческой семьи, а также воспоминаний людей преклонного возраста (информаторов) было отмечено довольно частое употребление выражений типа: «Бойся Бога!», «Да убоимся гнева Божия», «Бога совсем не боится!» (на непослушного ребенка), «Не гневи Бога и людей!». Боязнь наказания Божьего особенно сильный аргумент против провинившегося человека. В ребенка Страх Божий насаждался достаточно изобретательно, в соответствии с его уровнем понимания и детского сознания.

Воспитание велось по религиозным заповедям, обучение тоже. Грамоте учили только мальчиков. Этим занимались духовный отец или дьячок. Девочек обычно не учили. Считалось, что женщине это не нужно было, так как вся ее жизнь проходила в труде и в семейных заботах. Но те девушки, которые хотели посвятить себя Богу, а не мирской жизни, по воле родителей шли в монастыри.

Большую роль в религиозном просвещении детей играли притчи, а также сказки, сказания и загадки на религиозную тему. Миропонимание, а также нравственные и этические аспекты сознания старообрядцев нашли свое отражение особенно в притчах. Вообще притча служит как бы художественным дополнением к тому или иному строгому правилу, она как бы сглаживает суровость религиозного закона, делает его даже в некотором смысле более привлекательным, земным. Притча – это своего рода сказка, привлекающая не только ребенка, но и взрослого. Причем такая сказка, нормы которой обязательны для выполнения, в отличие от народных сказочных повествований о леших, Бабах Ягах, добрых молодцах и т.д.

Книжная культура у старообрядцев всегда стояла очень высоко. В домах находились большие библиотеки. В них почетное место занимали старинные книги. Также трепетное отношение староверы проявляли к иконе. Книга и икона – для них настоящие святыни. Респондент А. И. Гусякова искренно сказала: «Самое дорогое иконы. Дороже ничего нет. Иконы, дети – все, больше ничего не дорого».

Для ребенка лики икон были одушевленными, он воспринимал их живо и наделял их определенными свойствами. Интересны в связи с этим несколько рассказов – И. В. Егоров: «Бывало родители уйдут куда-нибудь, а мы одни оставались, бесились же да баловались. А мать, уходя, говорит – наказывает: «Будете баловаться – Боженька камушком по голове стукнет», – и уйдет. Вот сидим и молчим, шепотом сначала разговариваем, боимся и ждем – вдруг Боженька по голове камушком стукнет. Ну а потом ждем-ждем, ан все нету. А мы возьмем и Боженьку тряпкой закроем, чтоб не видел, и начиналось». Подобную ситуацию описывала Н. М. Ермолаева: «У нас

сестры, которые постарше уже, с нами одни оставались во время поста, хочется уж что-нибудь вкусненькое поесть, оскоромиться. Они возьмут иконы тряпкой закроют, приговаривая: «Теперь Боженька не увидит». Залезут под лавку и ели что-нибудь скоромное».

Внешний вид молящегося старовера подчеркивал его религиозность. Пояс, глухой ворот символизировали внутреннюю собранность человека, что помогало сдерживать отрицательные моменты своей натуры. Непременным атрибутом старообрядца была и остается лестовка. Лестовками ведется счет прочитанных молитв, ими «отмеряется» эпитимия. Для неграмотных Исусова молитва была действительно очень необходима. Потому-то такое важное значение придается в старообрядчестве лестовке. Староверы в действительности на практике осуществляли приемы «умного делания». Исусова молитва входила во все существо человека, она наполняла его, спасала и помогала, становилась насущной потребностью, «твердым хлебом» для духа и души человеческой.

Значительное влияние на детей староверов оказывали духовные стихи. Их пели в посты, другие песни петь в это время было грехом. Русский фольклор без духовных стихов не может быть признан целостным явлением. Строгие и суровые по поэтическому и музыкальному тексту духовные стихи созвучны были тем ограничениям, которые предписывались во время поста. Посту придавалось большое религиозное и нравственное значение. Кроме того, он имел и оздоровительное воздействие на организм человека. По сути своей русский человек был вегетарианцем, так как большая часть года выпадала на посты. В ребенке пост воспитывал и силу воли, и умение сдерживать желания плоти. Истинное значение постов в сознание ребенка входило не сразу.

Воспитательное значение для ребенка имело покаяние. Ребенок учился анализировать свои поступки, отличать в них доброе от злого, исповедь маленького человека – это воспитание искренности и честности его. Благодаря исповеди, у ребенка с детства воспитывалось понятие греха перед Богом, а значит и перед людьми. Строгое отношение к покаянию в старообрядчестве влияло на положительные качества старовера, и, прежде всего честность и порядочность, что отмечалось людьми, принадлежащих к нестарообрядческим конфессиям.

Большой вклад в воспитание детей вносили церковные праздники. Пасха, Рождество или Троица были большой радостью для детей. Пасху приходилось ждать долго – 7 недель Великого поста, во время которого не разрешается скоромная пища и увеселения, что способствовало воспитанию твердости и стойкости духа. Пасха после такого длительного поста воспринималась как великий праздник. Если труд – это жизнь, потребность, то праздник – это радость, причем заслуженная.

Праздничное общение создавало очень «благоприятные условия для обмена знаниями, слухами, социально-значимым опытом. Но главный поток информации во время праздников шел «по вертикали» – от старшего

поколения к младшему» [27, с. 9]. Респондент С. И. Филатова заметила, говоря о праздниках: «Гуляли по улицам, пели, но сперва молились!»

Фольклор играл значительную роль в воспитании. Если труд физически развивал ребенка и воспитывал в нем волю, терпение и стойкость, он и закалял его, а религия формировала высокие моральные качества и духовность, то фольклор, наряду с такими же воспитательными воздействиями, способствовал и эстетическому воспитанию. Пословицы, песни, обряды в сочетании с красотой природы формировали эстетический вкус. Эстетическое воспитание вплеталось в повседневность, например, девушка, вышивая приданое, знала, что ее искусство будет оценено другими. Красочная одежда с многочисленными украшениями из живых цветов, множества бус, лент, украшенные вышивкой полотенца, рушники, роспись домов (эта традиция характерна исключительно для рудноалтайского старообрядчества), изготовление и украшение домашней утвари, различных технических приспособлений (прялок, ткацких станков) - все это играло огромную роль в эстетическом воспитании детей старообрядцев. Тяжелый труд, который часто выматывал, заставлял искать пути «скрашивания» повседневности путем эстетического наслаждения [27].

К народной культуре причастен был каждый: нельзя было не знать песни и фигуры хоровода, причитания, колядки, не учитывать все их сезонно-обрядовые, игровые и этические особенности, так же как нельзя было не знать различные сроки и приемы ухода за различными культурами или породами скота, не учитывать многочисленные оттенки почв, погоды и пр., не помнить связанные с ними приметы [6].

Фольклор входил в жизнь ребенка очень рано – с колыбельной песни, через которую ребенок приобщался пока только слуховым восприятием к человеческой речи, без чего невозможно развитие мышления. Кроме того, колыбельная прививала уже чувство наслаждения народным напевом, грустным и убаюкивающим. Колыбельная песня была первой ступенькой на сложном и длинном пути приобщения ребенка к высокой музыкально-поэтической культуре народа [22]. После колыбельной песни приходили на смену потешки, в которых присутствовало уже множество – пальцы, сорочата, гости, дети и другое, таким образом ребенок приобщался к числу, но пока к абстрактному (этот, другой, тот, а также сумма). После потешек вводились прибаутки-небылицы, в которых кошки могут шить, утки в дудки играть, таракан дрова рубить и т.д. Логическим продолжением введения потешек служили сказки о животных, через которые ребенок знакомился с окружающим миром. В сказках о животных даны в иносказательной форме отношения между людьми и характеристики человеческих качеств (лиса – хитрость, медведь – сила, сова – ум, еж – мудрость, заяц – трусость и т.д.). Сказки не только воспитывали детей, но и помогали даже взрослым, отвлекая среду от будничного постоянного труда, а в условиях отсутствия просвещения сказка оказывала положительное воздействие.

В тихой и спокойной обстановке, перед сном или в дождливую погоду особенно любили загадывать загадки. Иногда включались даже взрослые. Здесь все тренировали свой ум и сообразительность.

Особо, конечно, надо сказать о песне. Сила песни неизмерима. Испокон веку была она спутницей русского человека. В ней отражались и боль и радость его, и думы его, и чувства, и вся история от древности седой до наших дней [22, с. 131]. Старообрядческая песня (то есть песня, бытовавшая в этой среде), как правило, грустная, тоскливая, с долгими распевами гласных букв. Песни подразделялись на свадебные, бытовые, любовного, исторического содержания. Последние делились на казачьи и разбойничьи.

Язык был основой общения между родителями и детьми, дети впитывали все эти особенности с первых дней жизни. Интересно, что те, кто не испытал влияния современной книжной культуры, сохранили речь в неприкосновенности, а те, кто уже в советское время получил образование и оторвался от деревни, говорят на современном русском языке, сильно испытавшем влияние литературной культуры.

Одним из главных методов воспитания были поощрения и наказания. Вот что говорилось в назидание родителям в «Слове из притчи о воспитании детей» в Измарагде (сборник для домашнего чтения поучений Святых): «Наказывайте смолоду детей своих. Вещает премудрость Божья: «Любящий сына своего палки для него не пожалеет. Наказывай его в юности, чтобы он принес тебе покой в старости. Если же смолоду его не накажешь, то ожесточится и не покорится». А вот что о наказании говорил Иоанн Златоуст: «Если кто детей своих не учит покоряться воле Божьей, то осужден будет суровее, чем разбойник: убийца ведь тело умерщвляет, а родители, не воспитывающие своих детей, душу губят».

Надо сказать, что воспитание детей в старообрядческой семье отличалось некоторой суровостью, но эта суровость имела границы. Наказания были неодинаковые, это зависело от степени тяжести совершенного. Наказывали за невыполнение какого-то задания, например: запустил животных или птиц в огород – допустил траву, не пригнал и не накормил лошадей, скот, что-нибудь разбил, оскоромился в постный день, обманул кого-нибудь из старших, не доглядел за ребенком и многое другое. В связи с этим были и различные наказания – отругают или пожурят, оттаскают за уши, стеганут раза два-три ремнем или плетью по спине, лишат обеда за опоздание, баловство за столом. Наказывали работой.

За старательность, трудолюбие, послушание («не перечь взрослым») дети награждались. Их угощали, что-нибудь покупали (платок, рубашку, сарафан, кепку), их приводили в пример остальным и сравнивали со Святыми (конечно на примере), а также с добрыми и известными родственниками.

Рассмотрев основные особенности семейного воспитания детей в традиционной старообрядческой семье в прошлом, необходимо сказать о ее современном положении. И, конечно, здесь будут отмечаться и конфессиональные различия (в разных толках и согласиях), и демографические особенности (городское старообрядчество было более

подвержено внешним влияниям, сельское – меньше). Тем не менее, и здесь можно выделить ряд общих тенденций.

Сегодня, когда «мир» так сильно воздействует на все сферы жизни старообрядца, опасность обмирщения сознания верующих как никогда серьезна. Чтобы в таких условиях сохранить паству, разные старообрядческие согласия делают ставку на семью. Основным направлением в их идеологической программе является воспитание религиозности в подрастающем поколении. Семья должна стать домашней церковью, школой религиозного воспитания и религиозной семейной жизни. Вера, привитая в семье, получает дальнейшее развитие и закрепление в общине. От того, как будут посеяны семена, зависит плод продолжающегося наследия [9, с. 84].

Сохранять чистоту и строгость веры в современном мире как никогда трудно. Мир традиционно рассматривался в старообрядчестве как «антихристов», а в настоящее время эсхатологические представления усилены в условиях распространения и порою агрессивного влияния западной культуры. Чтобы защититься от такого мира, в старовойрии всегда существовала система строжайших запретов, культивируемых и сегодня. Запреты укрепляются авторитетом родителей (угроза наказания), Церкви и книжной аргументацией. Однако, для современных старообрядческих (в большей степени молодых) семей характерно значительное «ослабление» запретов, что является серьезной проблемой. Беспоповцы отказываются искать своего рода «компромисс» с современностью, а Старообрядческая Церковь пытается более мягко выйти на корреляцию с ней. Хотя старообрядческий священник выдвигает по отношению к своим прихожанам всегда самые строгие требования, что в свою очередь проявляется в разрешении или недопущении к причастию.

Следует сказать, что если в бытовом отношении «ослабления» происходят, то все, что касается поведения в Церкви во время богослужений, то здесь категорически не допускается никаких отступлений. Строгое поведение в Храме, соблюдение мужской и женской половины, строжайшее требование к одежде (женщина – сарафан, или длинное платье, особым образом закрепленный платок, мужчина – кафтан или рубаха, обязательно подпоясанная поясом) и мн. др. – все это можно наблюдать в современных храмах старообрядцев.

Много внимания в РПСЦ уделяется сейчас распространению кириллической грамоты и знаменного пения среди молодежи. Обучение ведется при храмах, а также в семье. Следует сказать, что в условиях недостаточности материальных ресурсов, церковь не может на нужном уровне организовывать воскресные школы.

Нельзя забывать, что, не смотря на достаточно изолированный конфессиональный характер, старовойрие является частью современного общества, включено в него своей историей и культурой. В течение очень длительного периода старовойры подвергались гонениям и потому всегда стремились к закрытости. Главная задача – сохранить «древнее благочестие».

Сейчас вместо гонений в повседневную жизнь старовера врывается инокультурная среда. В домах городских (да и в сельских) старообрядческих семей можно увидеть компьютер, видеотехнику, а в руках у старовера – мобильный телефон. Однако эти средства выступают всего лишь как средство и жестко ограничивается их употребление (сугубо в утилитарных целях).

Тем не менее, староверы устойчиво сохраняют свою самобытность, мировоззрение, и что особенно важно, свое высокое самосознание. Для этого семья стремится ограничить контакты с внешним инокультурным окружением, а частичное использование современной техники видится менее губительным, чем их строгий и суровый запрет. Если даже семья отходит от каких-то запретов, тем не менее, стремится к возвращению к исходной позиции, сохраняя ее в своем сознании и представляя ее как истину и идеал. На основании этого существует еще одно очень интересное наблюдение, которое заключается в том, что институт семьи при возникновении внешних благоприятных условий способен реанимировать не воспроизводящиеся по объективным причинам традиции, но сохраненные в культурной памяти [3, с. 25].

Влияние светского образования также отличает современную семью старообрядцев. Поэтому сегодня среди них можно встретить представителей интеллигенции – и ученых, и врачей, и учителей и др. Нередко можно увидеть и предпринимателей.

Таким образом, можно утверждать, что брачно-семейные отношения, не смотря на серьезные внешние влияния «мира», в старообрядческой семье остаются традиционными, где главными постулатами являются отношение к браку как к таинству, недопустимость разводов. Кроме того, иерархичность семейной внутренней структуры, четкое разделение ролей, традиционность воспитательного процесса и др., показывают, что старообрядчество продолжает руководствоваться тем образом семьи, который существовал в традиционной средневековой культуре. Семья продолжает оставаться главным гарантом сохранения «древнего благочестия» и конфессиональной специфики через религиозное воспитание и усвоение комплекса запретов.

Духовные стихи поются, книги читаются, иконы почитаются, обучение ведется грамоте и даже знаменному распеву. Но главное – участие староверов в регулярных службах. Современные дети безболезненно выстаивают многочасовые службы (продолжительные, по древним образцам), легко «бьют» земные поклоны, разбираются в ходе богослужения, знают большое количество молитв, запоминают большие тексты, разбираются в основах православного учения, разбираются в церковной истории. Понимают справедливость старой веры, разбираются в отличиях от новообрядцев. Вообще современных староверов (как и в прошлом) отличает высокая самоидентификация. Говоря о современности, следует сказать, что они весьма спокойно воспринимают «блага цивилизации», не «цепляясь» за них, и никогда не возводят их в культ. Глубоко уважают родителей, бабушек и дедушек, родственников, братьев по вере. Дети добры, внутренне

открыты, скромны во всем, непритязательны, в высокой степени послушны. Дети подросткового периода и их родители практически не знают «прелестей» переходного периода. Отношение к труду не изменилось, осталось традиционным. Дети очень трудолюбивы, не боятся любой работы, отзывчивы в помощи ближнему. Возможно, единственной потерей, захватившей все общество в целом, в т.ч. и старообрядцев, является наблюдаемое сегодня исчезновение певческой традиции. Молодежь не поет старинных песен (кроме духовных стихов), не знает их, старшее поколение не передало певческие традиции подрастающим поколениям. Утеряны многие фольклорные формы. Культурный разрыв в данной сфере охватил все социальные слои современной России.

Таким образом, современная старообрядческая семья, проявив высокую адаптивность в современном мире, по праву может быть названа традиционной. Ее идейные и функциональные основы существования сохраняются незыблемыми в быстро меняющихся социальных условиях. Столь замечательный и бесценный опыт достоин особого внимания и изучения.

Литература:

1. Беликов Д. Н., протоиерей. Старинный раскол в пределах Томского края. – Томск, 1905. – 67 с.
2. Болонев Ф. Ф. Семейские: Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992. – 224 с.
3. Веселова А. П. Семья в старообрядческой культуре: опыт исторического исследования. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – Томск, 2007. – 27 с.
4. Гребенщиков Г. Д. Алтайская Русь. Историко-этнографический очерк. «Алтайский альманах», 1914 // Приложение к газете писателей Алтая «Прямая речь». – Барнаул. – Дек.1990. – 34 с.
5. Гребенщиков Г. Д. Река Уба и Убинские люди: литературно-этнографический очерк // Алтайский сборник. – Т. 11. – Барнаул, 1912. – С. 1–80.
6. Громько М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 7–24.
7. Громько М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. – М., 1986. – 186 с.
8. И. И. С. Из истории раскола в Томской губернии в XIX в. // Исторический вестник. – 1901. – Июнь. – № 6. – С. 1081–1110.
9. Кузьмина Л. П. Старообрядцы в современном мире (обзор журнала «Церковь» за 1982–1988 гг.) // Традиционная духовная и материальная культура русских поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992. – С.84.
10. Лебедева А. А. Русские Притоболья и Забайкалья (Очерки материальной культуры XVII – начала XX вв.). – М., 1992. – 136 с.
11. Липинская В. А. Конфессиональные группы православного населения Западной Сибири (вторая половина XIX – нач. XXвв.) // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 2. – С.113–127.
12. Липинская В. А. Об устойчивости малых конфессиональных групп в однонациональной среде (по материалам юга Западной Сибири) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1992. – С. 213–217.

13. Липинская В. А. Русское население Алтайского края: Народные традиции в материальной культуре (XVIII – XX вв.). – М., 1987. – 224с.
14. Липинская В. А., Сафьянова А. В. Свадебные обряды русского населения Алтайского горного округа // Русский народный свадебный обряд. Исследования и материалы / Под ред. К. В. Чистова. – Л., 1978. – С.180–201.
15. Липинская В. А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. XVIII – начало XX века. – М.: Наука, 1996. – 269с.
16. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – Книга седьмая. – М., 1896. – 672 с.
17. Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX вв.: проблема взаимоотношений. – Новосибирск, 2006. – 234 с.
18. Мамсик Т. С. Община и быт алтайских беглецов-«каменщиков» // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX вв. - Новосибирск, 1975. – С. 156–168.
19. Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. – Новосибирск, 1989. – 240 с.
20. Материалы комиссии экспедиционных исследований: Бухтарминские старообрядцы. – Л: АН СССР, 1930. – Вып.17. – 432 с.
21. Мельников П. И.(Андрей Печерский). В лесах: В 2 т. – М., 1989. – Т.1 – 640с., Т. 2 – 576 с.
22. Мельников М. Н. Поиски сокровищ. Записки фольклориста. – Новосибирск: Зап.-Сиб. книж. изд-во, 1985. – 50 с.
23. Миненко Н. А. Идеал суженого у русских крестьян Урала и Сибири // Традиционная культура русских крестьян Сибири и Урала. – Тюмень, 1995. – С. 3–8.
24. Миненко Н. А. Крестьянская семья Западной Сибири в первой половине XIX в. (численность и структура) // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск, 1975. – С. 136–145.
25. Миненко Н. А., Рабцевич В. В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII–XIX вв. – Челябинск, 1997. – 187 с.
26. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII - первая половина XIX вв.). - Новосибирск, 1979. – 352 с.
27. Миненко Н. А. Социальные функции календарных обычаев и обрядов в Сибирской деревне первой половины XIX в. // Традиционные обряды и искусство русского и коренных народов Сибири. – С.9.
28. Нильский И. Ф. Семейная жизнь в русском расколе. – М., 1869. – Вып. 1. (От начала раскола до царствования императора Николая I); Он же. Семейная жизнь в русском расколе. - М., 1869. – Вып. 2. (От начала раскола до царствования императора Николая I).
29. Новоселов А. У старообрядцев Алтая. (Ист. этногр. отчет о поездке на Алтай) // Изв. Зап.-Сиб.отд. Рус. Геогр. о-ва, 1913. – Т.1. – Вып.2. – С.1–18.
30. Романова Н. И. Верхнеубинское старообрядчество Рудного Алтая: историко-культурологический аспект. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. культурологии. – Кемерово, 2000. – 29 с.
31. Романова Н. И. Воспитание в старообрядческих семьях Рудного Алтая // Проблемы культуры и искусства: Всеросс. аспирантская конф. 23 апреля 1997 года: Тезисы выступлений. - СПб.: СПбГАК, 1997. – С. 178–179.
32. Романова Н. И., Егоров И. В. Старообрядцы на Алтае // Сибирь: Журнал писателей России. Иркутск. – № 1. – 2004. – С. 102–123.
33. Романова Н. И. Религиозный аспект духовной культуры старообрядчества Рудного Алтая (по материалам экспедиционных исследований; р. Уба, Восточный Казахстан) // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосиб. гос. консерватория им. М. И. Глинки. – Новосибирск, 1999. – С. 41–51.

34. Романова Н. И. Страх Божий как воспитательная доминанта в старообрядческой культуре // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: История и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. Материалы IV Междунар. науч. конф. 2004 г. – Владивосток, 2004. – С. 26–31.
35. Романова Н. И. Структура повседневности старообрядческой семьи: исторический и современный аспекты // Культурология, культура и искусство в современном российском социуме: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конференции. КемГУКИ, 16–17 фев. 2007 г. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – С. 207–219.
36. Романова Н. И. Убинские староверы: опыт взаимодействия с природной средой // Проблемы сибирской ментальности: Сб. науч. статей. – СПб: Астерион, 2004. – С. 227–237.
37. Рындзюнский П. Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1950. Вып. 1. – С.191–198.
38. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX – XX вв. – Л., 1967. – 280 с.
39. Садовая О. Н. Старообрядческие полемические сочинения о браке XVIII – первой трети XIX вв. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. – Новосибирск, 1982. – С. 196–218.
40. Топорков А. А. Происхождение элементов застольного этикета у славян // Этнические стереотипы поведения: Сб.ст. – Л., 1985. – С. 228.
41. Фурсова Е. Ф., Голомянов А. И. Род и семья у старообрядцев-поморцев Новосибирской области (кон. XIX – нач. XX вв.). – Новосибирск, 2002. – 203 с.
42. Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Зап.-Сиб.отдела Императ. Рус. Геогр. Об-ва. Книжка XXVI. – Омск., 1899. – 92 с.
43. Шмурло Е. Русские поселения за южным алтайским хребтом на китайской границе // Записки Зап.-Сиб. отдела Рус. Геогр. Об-ва. – Омск, 1898. – 64с.
44. Щапов А. П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и первой половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола // Сочинения А.П.Щапова: в 3 томах. – Т.1. – СПб, 1906. – С. 173–451.
45. Юновидов В. Краткий очерк состояния раскола и единоверия в Алтайской, Ануйской, Алейской, Шиманаевской, Владимирской и Бобровской волостях Бийского округа // Томские епархиальные ведомости. – 1887. – №1. – Отдел неофициальный, С. 1–15. – №3. – Отдел неофициальный, С. 1–11.
46. Ядринцев Н. М. Раскольничьи общины на границе Китая. Земледелец-дипломат и воин // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению». – 1886, кн.1. – СПб., 1886. – С. 2.